

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH19184-97>

Исследовательская статья

Аяган Буркитбай Гелманулы
д.и.н., профессор, заместитель директора
Института истории государства МНВО РК, Нур-Султан, Казахстан
b.ayagan@mail.ru

К ВОПРОСУ О ДЕПОРТАЦИИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КАЗАХСКУЮ ССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1944 г. (ПО ДАННЫМ КАЗАХСТАНСКИХ АРХИВОВ)

Аннотация. Целью статьи является сбор и систематизация данных казахстанских архивов по размещению, содержанию и особенностям пребывания депортированных народов Северного Кавказа на территории Казахстана. Выбор темы автор ограничил жителями республик Северного Кавказа, так как наибольшее число депортации были из Карачаево-Черкессии и Чечено-Ингушетии. Рассмотрение всех аспектов депортации крымских татар, греков из Крымской автономной республики, турок-мехетинцев, хемшинов из Грузии требует новых исследований. Объектом исследования автора стали вопросы депортации, размещения и содержания народов Северного Кавказа в 1944 г. в Казахстан. На основе научного анализа материалов ряда архивных документов – различных постановлений, директив, справок, отчетов автор прослеживает процессы расселения и контроля за прибывавшими представителями депортированных народов. Переселенные семьи были специально распределены властями по различным областям огромной по территории республики. Немалое число депортированных оказались в политических лагерях, созданных при заводах, или же были направлены на строительство сложных инженерных сооружений. При проведении научного анализа автором статьи были использованы данные документов из казахстанских архивов и сборников документов по данной теме. В качестве основных материалов исследования были привлечены партийные документы, директивы органов НКВД, материалы архивов Генеральной прокуратуры, МВД и КНБ Республики Казахстан. Автором было выявлено, что сама сталинская политика депортации народов проводилась на основе узких рамок партийных указаний Бюро ЦК ВКП(б). Все эти постановления и указания повсеместно встречаются в следственных делах или обвинительных заключениях, обнаруженных автором в архивных фондах. Основными результатами исследования стало выявление ценных документальных сведений по таким вопросам, как определение регионов Казахстана задействованных в процессе расселения с указанием численности переселяемых, условия содержания и адаптации депортированных.

Ключевые слова: репрессии; депортации; Северный Кавказ; Казахстан; ОГПУ-НКВД; спецпереселенцы; рассекречивание; архивы; реабилитация.

Для цитирования: Аяган Б.Г. К вопросу о депортации народов Северного Кавказа в Казахскую ССР в годы Великой Отечественной войны 1944 г. (по данным казахстанских архивов) // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. No 1. С. 84-97. doi: [org/10.32653/CH19184-97](https://doi.org/10.32653/CH19184-97)

© Аяган Б.Г., 2023

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2023

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH19184-97>

Research paper

Burkitbai G. Aygan,
Dr. Sci. (History), Professor, Deputy Director
Institute of History of the State, Nur-Sultan, Kazakhstan
b.ayagan@mail.ru

ON THE ISSUE OF DEPORTATION OF THE PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS TO KAZAKH SSR IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (ACCORDING TO KAZAKH ARCHIVES)

Abstract. The paper aims to collect and systemize the data of the Kazakh archives on placement, keeping and features of the stay of the deported peoples of the North Caucasus on the territory of Kazakhstan. The author limited the scope of research to residents of the republics of the North Caucasus, since the largest number of deportations were from Karachay-Cherkessia and Chechen-Ingushetia republics. Consideration of all aspects of the deportation of Crimean Tatars, Greeks from the Crimean Autonomous Republic, Meskhetian Turks, Khemshins from Georgia requires separate research. The object of the author's research was the issues of deportation, accommodation and keep of the peoples of the North Caucasus in 1944 to Kazakhstan. On the basis of a scientific analysis of the materials of a number of archival documents – various resolutions, directives, certificates, reports, the author traces the processes of resettlement and control over the arriving representatives of the deported peoples. The resettled families were specially distributed by the authorities to various regions of the vast territory of the republic. A considerable number of deportees ended up in political camps set up at factories, or were sent to build complex engineering structures. When conducting a scientific analysis, the author of the article used data from documents from Kazakhstani archives and collections of documents on the subject. As the main materials of the study, party documents, directives of the NKVD bodies, materials from the archives of the Prosecutor General's Office, the Ministry of Internal Affairs and the KNB of the Republic of Kazakhstan were involved. The author reveals that the very Stalinist policy of deportation of peoples was carried out on the basis of the narrow framework of party instructions of the Bureau of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks. All these resolutions and instructions are found everywhere in investigation cases or indictments found by the author in archival funds. The main results of the study are the identification of valuable documentary information on such issues as the definition of the regions of Kazakhstan involved in the resettlement process, indicating the number of resettled, the conditions of detention and adaptation of the deported.

Keywords: repressions; deportations; North Caucasus; Kazakhstan; OGPU-NKVD; forced deportees; declassification; archives; rehabilitation.

For citation: Ayagan B.G. On the issue of deportation of the peoples of the North Caucasus to Kazakh SSR in the years of the Great Patriotic war (according to Kazakh archives). History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2023. Vol. 19. N. 1. P. 84-97. doi.org/10.32653/CH19184-97

© B.G. Ayagan, 2023

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2023

Введение

В огромном списке литературы, имеющейся по истории политических репрессий советского периода до сих пор имеется целый комплекс не выясненных до конца научных проблем, особенно по судьбам депортированных народов с Северного Кавказа. Например, в научный и общественный оборот в Казахстане только в последнее время вводятся основные нормативно-правовые акты властей, которые создавали базу для репрессивных органов; описываются методы и способы деятельности спецслужб, не известны имена и фамилии ключевых сотрудников ОГПУ-НКВД, сталинских палачей [1–4]. Многие решения и выводы ОГПУ-НКВД были мотивированными политически и, как следствие, привели к нарушениям неотъемлемых прав человека и гражданина. Выводы и заключения автора статьи совершены на основе исследования литературы по теме и по найденным архивным материалам в Республике Казахстан.

По нашему мнению, существуют две серьезные проблемы, которые до сих пор не нашли своего конкретного решения. Первая из них заключается в том, что до сих пор в казахстанской историографии не выяснены в полной мере идеологические основы и механизмы, на основании которых происходили массовые нарушения прав человека, депортации народов СССР в Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан. Вторая не изученная до конца проблема – это места дислокации, расселения и контингент заключенных, находившихся как на территории всего Союза, так и непосредственно Казахстана. До сих пор в казахстанской историографии имеется только отрывочная литература по данной теме, но нет обобщающих трудов [5–7]. Поэтому целью данной статьи является сбор и систематизация данных казахстанских архивов по размещению, содержанию и особенностям пребывания депортированных народов Кавказа на территорию республики на основании, как прежних, так и недавно обнаруженных новых архивных документов.

В годы независимости в Казахстане был проведен ряд глубоких по содержанию научных исследований, где данная тема была изучена с новых позиций. Ценным источником информации по данной теме является сборник документов в трех томах «Из истории депортации. Казахстан. 1939–1945 гг.», выпущенный под редакцией Д.Ю. Абдукадыровой [7]. В составлении данного сборника принимал посильное участие и автор данной статьи. Сборник примечателен тем, что в нем собран и систематизирован отдельным разделом комплекс документов по приему и обустройству народов Северного Кавказа: балкарцев, ингушей, карачаевцев, чеченцев [7, с. 309–455]. Далее собраны материалы по приему и обустройству спецпереселенцев (так в тексте – прим. Б.А) из Крымской АССР и из пограничной полосы Грузинской ССР: турок, курдов и хемшинов. В сборник документов вошли материалы по плану расселения депортированных лиц, директивы партийных комитетов и облисполкомов Казахстана, постановления ГКО о выселении тех или иных народов; докладные записки наркоматов НКВД, справки уполномоченных и так далее.

В Казахстане была опубликована обширная литература об узниках лагеря «АЛЖИР», где в течение многих лет содержались женщины из России, в том числе и из республик Северного Кавказа [8, с. 435–439].

В то же время тема политических репрессий до сих пор весьма актуальна, так как многие аспекты насильственной депортации еще не раскрыты в полной мере. Не открыты полностью и не введены в научный оборот данные секретных архивов

ОГПУ-НКВД. Мы также полагаем, что критического анализа требует и литература, изданная в советский период, где не совпадают цифры репрессированных и депортированных, не изучены в полной мере места дислокации лагерей. Неизвестна также и конкретная численность заключенных, в том числе и депортированных народов, расстрелянных, сидевших, а также выпущенных как из лагерей Казахстана, так и всех лагерей СССР по репрессивным статьям (58, 59 и др.). Указав на ряд источников, приблизительную цифру осужденных по политическим статьям сведения предоставляет французский историк Н. Верт, который указывает свою версию о количестве осужденных по репрессивным статьям. Он пишет: «При определении общего числа репрессированных цифры носят еще более гипотетический характер. Количество заключенных в тюрьмах и лагерях в 1939-1940 гг. определяется цифрами от 3,5 млн до 10 млн человек» [9, с. 221] В то же время, эта цифра постоянно оспаривается целой группой ученых многих стран. У авторов, которые пишут по данной теме, наблюдается большое расхождение в цифрах.

Возможно, по результатам работы Государственной Комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессии, которая была создана указом президента Республики Казахстан К.-Ж.К. Токаевым в 2020 г., будет определено примерное число пострадавших по политическим статьям, в том числе выявлен социальный портрет и количество людей, подвергшихся незаконной депортации, в том числе и из республик Северного Кавказа. Работа ведется, но она еще не завершена.

Материалы и методы

Автор при подготовке статьи использовал метод компаративного анализа, проделал экспертизу статистических данных. Качество документов, найденных нами, не одинаково. Часть из них совершенно устарели и плохо читаются, много ошибок при написании фамилии депортированных, часто меняются номера фондов и описей. Проверка требуется и официальным данным, например, в число депортированных не включены уволенные из рядов Красной Армии, прибывшие вслед за семьями. По архивным данным пока невозможно определить в полной мере количество погибших, условия содержания и расселения депортированных лиц и многое другое. На наш взгляд, необходимы дополнительные исследования и расчеты. При подготовке статьи автор использовал воспоминания очевидцев событий и их потомков как ценные и достоверные источники по данной теме.

Тем не менее, как показывает анализ, общая направленность методов и стиля репрессивных органов-спецкомендатур, органов НКВД, советских судов понятна и легко прочитываются. Все решения носят обвинительный характер, с использованием таких определений, как «враг народа», «бандиты», «классово чуждый элемент» и так далее. В начале статьи мы специально подчеркиваем, что сама философия и идеология руководителей Советского государства привели и обусловили создание таких специфических органов, как ОГПУ и НКВД, которые планомерно превращались в страшное оружие репрессий против советских граждан любой национальности и любого сословия. Правоохранительные органы из инструмента общественной безопасности уже в 1917–1918 гг. превратились в орудие преследования, систематически нарушавшее мораль и правила цивилизованного общества. Для осуществления карательных функций высшими органами ЦК ВКП(б) и наркоматом НКВД создавались специально подготовленные базовые нормативы и директивы. Поразительно и то,

что 20 марта 1940 г. Нарком НКВД СССР Л.П. Берия в нарушение процессуального кодекса 20 марта 1940 г. издает приказ о том, что НКВД может опротестовать решение прокуратуры и не освобождать заключенных, то есть и далее нарушать законы. Таким образом, у следователей ОГПУ-НКВД были полностью развязаны руки, они теперь могли не обращать внимание на исполнение законов и деятельность надзорных органов.

Особую группу документов составляют указы правительства и приказы НКВД СССР, которые стали базовыми документами для насильственного и ничем не оправданного выселения народов с исторической родины.¹ Для проведения в жизнь подобных решений в кратчайшие сроки создавались различные спецгруппы, комиссии и комитеты. Одним из таких комитетов стали так называемые «внесудебные органы», которые наделялись огромными полномочиями по преследованиям, убийствам и заключению в лагеря или депортациям миллионов советских граждан. Методы, используемые этими органами, были совершенно разными, но, как правило, они были неправовыми и жестокими.

Обсуждение и результаты

Для исследователей, которые занимаются историей политических репрессий в советский период, одной из самых актуальных проблем являлась незавершенность и двойственность всего процесса реабилитации. Реабилитация, предпринятая Н.С. Хрущевым в 1956-е гг., ограничилась оправданием в основном представителей партийной номенклатуры и отдельных депортированных народов и не вскрыла причины и механизм репрессий. В период «оттепели» 50-60 гг. XX в. получили возможность для возвращения чеченцы и ингуши, балкарцы и карачаевцы, но были лишены такой возможности немцы, крымские татары и турки-месхетинцы, причерноморские греки. Также не смогла вернуться по разным причинам на родину часть северокавказцев. Таким образом, процесс реабилитации депортированных народов остался незавершенным. Данный вопрос остается актуальным для Республики Казахстан, где и сейчас живут прямые потомки репрессированных народов.

В период гласности и перестройки М.С. Горбачева в 1985–1991 гг. для обстоятельного изучения фактов и документов, связанных с репрессиями 30-40 гг. и начала 50-х гг., была образована Комиссия Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х гг. [10, с. 15–17]. Но принятые в СССР и Республике Казахстан законы от 14 апреля 1993 г. «О реабилитации жертв массовых политических репрессии» в силу многих объективных обстоятельств не могли вскрыть все проблемы, например, масштабы репрессий, идеологию и базовые основы преступлений против человечности. Также не были определены перечни категорий жертв, не разработаны нормативно-правовые акты для полной юридической и политической реабилитации жертв; не были в полной мере открыты архивы, где хранились документы, постановления, циркулярные письма партийных и правоохранительных органов. Не были выяснены и места расположения лагерей, где содержались политические заключенные. Вследствие сказан-

1. Постановление ГКО СССР от 31 января 1944 г. N 5073сс «О мероприятиях по размещению спецпереселенцев в пределах Казахской и Киргизской ССР // ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 4. Д. 208. ЛЛ. 51-54; Указ ПВС СССР от 6 февраля 1944 г. N 116/102 «О ликвидации ЧИ АССР и об административном устройстве ее территории // ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 4. Д. 208. Л. 51-54.

ного, автор статьи, отмечая объём проделанной работы по изучению политических репрессий в сталинский период, указывает также на ряд не решенных до конца проблем. В последние годы стало меньше публикаций по данной теме и уменьшилось число проводимых научных конференций, но тем не менее проблема обсуждается. Исследователями отмечается, что за прошедший период не были опубликованы и вскрыты многие документы, хранящиеся под грифом «совершенно секретно» Причем подобные «секретные документы», как показывают наши изыскания, могут храниться десятилетиями в пыльных хранилищах различных ведомственных фондов от республиканского до районного уровня.

Работа в составе группы Государственной комиссии по рассекретиванию позволила автору еще глубже понять масштабы нарушений прав гражданина и выявить ряд еще не введенных в научный оборот сведений и материалов, оставшихся в архивах ОГПУ-НКВД, в том числе и по судьбам кавказцев, переживших ад сталинских лагерей. Например, нами подчеркивается особая роль так называемых «троек» и «двоек», выносивших решения, которые совершенно не соответствовали требованиям «презумпции невиновности» или же канонам цивилизованного судопроизводства. Эти решения и постановления спускались по республикам и областям в виде специальной директивы, где население республик было поделено на категории, включая рабочих, крестьян, религиозных деятелей и участников небольшевистских движений.

Используя данные архивов и сборник документов по депортации, автор статьи разделил документы на несколько групп. В первую группу входят директивы, донесения о материальном положении и размещению «спецпереселенцев» (по терминологии документов НКВД), во вторую – данные по контролю и мерам наказания в их отношении. Третью группу составляют исследования самих экспертов.

Нами выявлено, что вся кампания депортации была начата задолго до марта 1944 г. Так, например, в архивах обнаружены приказы № 160 наркома НКВД Л. Берия, подписанные в сентябре 1943 г. по «Плану расселения прибывающих из Карачаевской автономной области в Казахскую и Киргизскую ССР переселенцев», 14 октября 1943 г. выходит Постановление Совнаркома СССР за № 1118-342сс «О порядке приема от спецпереселенцев с Северного Кавказа имущества, скота и продукции сельского хозяйства, а также об условиях частичного возмещения этого имущества в местах расселения». В постановлении, подписанном В. Молотовым и Я. Чадаевым, подробно описывается сколько вещей можно было взять с собой депортируемым (до 500 кг на семью), инструкции о том, как обратить изъятое имущество на покрытие государственных поставок, чем должен заниматься конкретный наркомат и т.д. Была также утверждена инструкция, разработанная краевой комиссией [7, с. 310-315]. 17 февраля 1944 г. специальной телеграммой Л. Берия сообщил И. Сталину «О подготовке операции по переселению чеченцев и ингушей»². Решениями руководства СССР также решались финансовые вопросы по организации переселения. Как видно из просмотренных документов, нарком НКВД Л.П. Берия постоянно информировал председателя ГКО И.В.Сталина «О целесообразности переселения» и «Об окончании операции по переселению балкарцев» 24 февраля и 11 марта 1944 г.

Например, 5 марта 1944 г. было принято Постановление ГКО (Государственного Комитета Оборона – прим. Б.А.) № 5309сс «О выселении балкарцев из Кабардино-Балкарской АССР», где за подписью заместителя председателя правительства СССР В. Молотова указывалось «оплатить расходы НКВД СССР по дополнительному

2. История СССР.-1991 г.-№ 1-С.261.

переселению 40000 спецпереселенцев с Северного Кавказа в Казахскую ССР и Киргизскую ССР из резервного фонда Совнаркома СССР»³. В результате данной операции, согласно докладной замнаркома НКВД СССР В.В. Чернышева на имя Наркома Л.П. Берия от 7 марта 1944 г., по регионам Казахстана были расселены 5000 человек по Южно-Казахстанской области, 5000 по Алма-Атинской, 2500 – по Семипалатинской, 2500 – по Северо-Казахстанской, 2500-по Кустанайской, 2500 – по Павлодарской и 2500 по Акмолинской областям [7, с. 340-341]. Но число прибывших могло измениться из-за смертности среди переселяемых или совершаемых ими побегов.

Республиканские и местные органы были обязаны неукоснительно исполнять все решения ВКП(б) Так, например, уполномоченный ЦК КП(б) Казахстана и СНК Казахской ССР А.И. Клементьев 8 марта 1944 г. в письме на имя секретаря ЦК КП(б) Казахстана Ж. Шаяхметова сообщает об условиях подготовки к приему и размещению спецпереселенцев по Восточно-Казахстанской области. Он сообщает, что для руководства подготовкой и размещением спецпереселенцев в области была образована «тройка», такие же «тройки» были созданы в районах. Было намечено разместить депортированных в 8 районах. Низовым организациям было поручено встретить прибывавших на станциях, подготовить и приспособить помещения, оказать медицинскую помощь.⁴ Но надо подчеркнуть, что до начала депортации на места рассылались специальные шифротелеграммы НКВД, где те же депортированные характеризовались как «враждебные и преступные элементы», «классово-чуждые народы», «склонные к нарушению общественного порядка», с которыми нельзя вступать в контакт. Прибывших людей немедленно ставили на учет в спецкомендатуре.

21 марта 1944 г. начальник ОСП НКВД СССР М.В. Кузнецов тому же В.В. Чернышеву сообщал о подробностях приема и разгрузки эшалонов со спецпереселенцами – чеченцами и ингушами. В донесении сообщалось, что «в Казахскую ССР прибыло и разгружено 147 эшалонов в составе 405941 человек. В пути, в эшелонах, как явствует из документов умерло 1361 человек, или 0,27%, госпитализировано 1070 чел [7, с. 344] Прибывших в холодную погоду тут же распределяли по областям и расселяли по организациям и колхозам. Аналогичные донесения имеются по карачаевцам, балкарцам и другим народам. В условиях дефицита продуктов, одежды, достойного жилья местные органы власти принимали постановления по вопросу улучшения материально-бытовых условий спецпереселенцам, которые, конечно же, были крайне неэффективными. К весне им выдавались семена бобовых, овощебахчевых культур, ссуды на посадку кукурузы или семена на посадку картофеля. Позже стали строиться силами самих же депортированных жилье и банные пристройки. Подобные отчеты были обязаны сдавать все областные и районные инстанции, куда попадали представители депортированных народов. Но ситуация видимо была до того сложной, что трудоустройство спецпереселенцев были вынуждены рассматривать на заседаниях ЦК КП(б) Казахстана. В этом постановлении указывается, что «в ряде областей и районов хозяйственно-бытовое устройство спецпереселенцев Северного Кавказа (карачаевцев, ингушей, балкарцев, чеченцев), вовлечение их в производственную работу, прием в члены колхозов проходит недопустимо медленно». В списках по лагерям и местам расселения депортированных народов нами обнаружено большое количество представительниц женского пола, в том числе жен так называемых «врагов народа»

Также исключительно медленно проходила нарезка приусадебных участков и обеспечение спецпереселенцев семенами. Бюро недвусмысленно отметило, что «прове-

3. Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. 708. Оп. 6/2. Д. 2. Л. 23.

4. АП РК. Ф. 708. Оп. 8. Д. 113. Л. 1-5.

дение мероприятий по хозяйственному и бытовому устройству переселенцев имеет целью закрепление этого контингента в местах расселения и приспособление его к нормальной производственной жизни в условиях Казахстана». Бюро также отметило, что среди спецпереселенцев широко распространены настроения о предстоящем возвращении их на Кавказ и поэтому обязало обкомы, райкомы КП(б) развернуть среди них массово-политическую работу с разъяснением им несостоятельности таких настроений и что хозяйственное закрепление и их устройство в местах расселения вытекает из их собственных интересов⁵. (Что значило «собственные интересы» не совсем понятно, но возможно это была скрытая угроза – прим. Б.А). Фрагменты из этой части Постановления Бюро ясно указывают, что власти собирались «депортацию народов сделать вечной». О тяжелом положении депортированных сообщают и партийные комитеты, и хозяйственные руководители. Так, например, руководство «Казгидроэнергостроя» сообщало, что «во временное жилье и наскоро приспособленные под жилье общие бараки с 2-ярусными нарами были вселены мужчины, женщины и дети в количестве 3400 чел., хотя при сравнительно нормальном расселении туда едва ли позволительно было помещать более 2000 человек... Скученность и невозможность создания необходимых бытовых условий способствовали распространению на строительстве эпидемии сыпного тифа со значительным числом смертных случаев». Заболевали также и представители постоянного персонала. «...По рабочим поселкам бродят без надлежащего надзора празднующиеся женщины, старики и дети из числа спецпереселенцев. Многие из них больные. В поселке развивается спекуляция, увеличивается число краж, хулиганства и другие нарушения правопорядка» [7, с. 368–370].

Следующая группа архивных документов касается также условий содержания и мест дислокации представителей депортированных народов. Все они находились под постоянным контролем правоохранительных органов и были обязаны отмечаться в спецкомендатуре. В сводках, докладах и донесениях постоянно прибывавших людей называют «спецконтингентом». Среди имеющихся документов архива КНБ наше внимание привлекли статистические данные, которые тщательно собирались органами ОГПУ-НКВД⁶. В анналах фонда № 1 собраны различные уголовные дела, справки, отчеты по линии НКВД. Другой массив документов собран в фондах, в различных делах и описях. Они особенно ценны тем, что органы НКВД систематически собирали статистические данные по сбору и учету контингента заключенных в лагерях. Примечательно, что эти же органы кроме сбора обобщающих данных политических заключенных, постоянно заполняли данные по социальному положению, национальному составу, религиозным верованиям заключенных и систематизировали любую собираемую и поступающую информацию. Особой строкой в отчетах проходят данные по «спецпереселенцам», в том числе и представителям балкарцев, карачаевцев, чеченцев и ингушей.

Следует подчеркнуть, что органами НКВД ежегодно составлялись различные справки по движению лагерного контингента, квалификации осуждаемых, характера обвинения, присуждаемым статьям, а также смертности в лагерях. Там же встречаются фамилии осужденных по расстрельным статьям, но они не раскрывают всей картины

5. АП РК. Ф. 708. Оп. 1/1. Д. 7. Л. 95-97.

6. Архив КНБ РК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 324. Л. 54-58. и Ф. 11. Оп. 52. Д. 2. Л. 6-17. При написании статьи использованы отдельные сюжеты из документов, хранящихся в Национальном архиве РК, Архиве МВД и Архива КНБ республики. Но многие документы находятся в процессе рассекречивания и не фондированы в полной мере. Поэтому мы указываем только те документы, которые имеют конкретный адрес.

массовых репрессий. Отдельной графой идут протоколы приведенных в исполнение расстрелов с конкретными фамилиями и подписями. Сотрудниками НКВД также проверялись и перепроверялись цифры, выявлялись расхождения в материалах статданных и отчетности. Органами НКВД предоставлялись статистические данные в динамике по годам, где четко обозначались категории заключенных и даже их лагерные обозначения. Например, указаны дела с такими наименованиями, как «Депортированные», «Плесень», «Перебежчики», «Недобитые», «Военнопленные» и так далее. Также указывались номера лагерей и места их дислокации по Казахстану.

Наиболее известными лагерями на территории Казахстана были места содержания в Карагандинском лагере политических заключенных, известных как КарЛАГ, СтепЛАГ, а также учреждение «26 точка», расположенное вблизи современной столицы Казахстана, больше известное как АЛЖИР («Акмолинский лагерь жен изменников Родины»). Проведенный нами анализ показывает, что несмотря на имеющийся огромный список исследований до сих пор не выяснены в полной мере конкретные места дислокации мест содержания политических заключенных на территории современного Казахстана и не подсчитана хотя бы примерная численность заключенных. По данной проблеме мы имеем крайне мало исследований.

Участниками группы по рассекречиванию документов в августе 2021 г. в Отдельном секторе архива МВД республики был найден целый склад «Документов НКВД» (хранящиеся папки так и называются. – прим. Б.А.). Этот склад располагается в пригороде Астаны, в районе «Лесозавода», но до сих пор оставался недоступным для исследователей. Благодаря усилиям членов Комиссии, эти документы сегодня рекомендованы к рассекречиванию и вводятся в научный оборот. В указанном спецхране архива МВД республики имеются практически все приказы, директивы и иные руководящие документы, спускавшиеся из центрального аппарата ОГПУ-НКВД СССР за период с 1917 по 1945-1946 годы, начиная с момента образования органов, со времен наркомов Г.Г. Ягоды, Н.И. Ежова и Л.П. Берии и их заместителей.⁷ Среди них находятся копии приказов НКВД СССР от 6 февраля 1944 г. № 00186 сс «О мероприятиях по выселению из КБ АССР балкарского населения» и приказа НКВД СССР от 28 февраля 1944 г. № 00193 «О мероприятиях в связи с окончанием по выселению чеченцев и ингушей» Кроме того, сохранились копии представлений наркома НКВД Л.П. Берия председателю ГКО И.В. Сталину о награждении наиболее отличившихся участников операции по выселению народов из Северного Кавказа.

Конечно, здесь сохранились не все руководящие документы, которые имели специальные грифы, например, по уничтожению определенных лиц или категорий населения, агентурные данные. Но имеются ценные документы по организации подразделений ОГПУ-НКВД на местах, в том числе и в Казахстане, приказы о награждении офицеров, приказы об организации и ликвидации лагерей. Очень много финансовых документов, где расписываются данные о нормах выдачи имущества на заключенных, сведения об организации новых лагерей. Эти сведения помогают установить примерную численность людей, сидевших в подобных учреждениях. Конечно нельзя сказать, что эти докладные носят исчерпывающий характер. Но подчеркнем, что в этих приказах есть ссылки на решения ЦК ВКП(б), руководителей Советского государства. И главное, что именно эти приказы и директивы стали основой для проведения в жизнь всех репрессивных кампаний против интеллигенции, крестьянства, военных, депортации целых народов и проведения иных незаконных мероприятий. Например, в

7. Архив МВД РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 219; Ф. 13. Оп. 1. Д. 219. Л. 42.

вышеназванных спецхранах НКВД Архива МВД республики нами была обнаружена голубая папка с надписью: «Исправительно-трудовые лагеря. Дислокация» без указания фамилии автора.

Информация собиралась скрупулёзно, скорее всего офицером или человеком, хорошо знавшим специфику лагерей. Ценность папки в том, что она позволяет выявить, кроме общеизвестных лагерей типа «АЛЖИР» или системы учреждений «Карлага», целую группу скрытых и не известных доселе учреждений, как правило, создаваемых при возведении крупных заводов, фабрик, совхозов или строительстве дорог. В тетради назван ряд лагерей, где постоянно и планомерно использовался труд советских граждан осужденных, как правило, на основании статей 58, 59 и 60 и иных статей, имевших репрессивный характер. Многие из них были осуждены «внесудебными органами», на что указывают даже названия самих лагерей и принадлежность к системе ОГПУ-НКВД. Сама система и места дислокации исправительных учреждений постоянно менялась в связи с политикой центральных властей, изменением экономических задач или возможно в целях сокрытия следов, на что указывали С. Дильманов и Й. Баберовски. Например, в архиве МВД РК обнаружен приказ ОГПУ от 17 сентября 1931 г. за подписью Г. Ягоды «О ликвидации Казахских исправительно-трудовых лагерей ОГПУ». В тексте документа указывается – (п. 1) «Казахские исправительно-трудовые лагеря ОГПУ ликвидировать вместе со всеми отделениями (лагерями), командированными к предприятиям, не входящим в состав совхоза «Гигант» (орфография текста сохранена – прим. Б.А.).⁸ Но выражение «ликвидация» совершенно не означает уничтожение такого лагеря, которые в данном случае подлежали только перемещению и создавались на новом месте, где была нужда в рабочих. И таких приказов по линии ОГПУ-НКВД по перемещению заключенных или так называемых «расстрельных списков» с подписями членов «троек» обнаружено много.

В найденном нами списке указаны ниже приведенные лагеря, располагавшиеся на территории Казахстана. Учитывая сложность сбора данных, мы систематизировали их следующим образом: Раздел 1 – Подразделения учета лагеря военнопленных ДТК в рамках деятельности ОГПУ-НКВД (все названия лагерей сохранены). Повсеместно создавались колонии массовых работ №1 при особом строительстве различных учреждений. Как показывает проведенный нами анализ, во многих из них, если не во всех можно найти представителей народов Кавказа и Крыма, в том числе и депортированных народов-карачаевцев, татар, балкарцев, ингушей. Особенно много в лагерях находилось представителей немецкого или польского населения.

Есть, например, часть приказов по личному составу в 1 отделении, в частности ИТК-16 Гурьевской области 1943-1946 гг. Так же по-прежнему функционировали лаготделения №1 (строительство зернохранилища) 1955-1956 ст. Анархай (может Анрахай? – прим. Б.А.) Джамбульской области или отдельные лагеря, например пункт №17, расположенный на станции Топар и 8-е Лаготделение в 1946-1950 гг. Лагеря находились внутри так называемых исправительно-трудовых учреждений, как в поселке «Заречный» Илийского района Алма-Атинской области или на станции Чемолган в Каскеленском районе Алма-Атинской области (учреждение ЛА-155/4.) Была образована «Казахская трудовая колония № 5» в городе Казалинск Кызыл-Ордынской области. Отдельной строкой в донесениях проходят так называемые трудовые поселения (Трудопоселения), созданные в 1934-1935 гг., по которым имеются отдельные приказы о создании, наделении полномочиями, составами управления. В этих так

8. Архив МВД РК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 34. Л. 19.

называемых «трудопоселениях» повсеместно размещались представители депортированных народов. В этих лагерях содержались граждане не только Казахстана, но и со всех концов Советского Союза и даже из-за рубежа.

Также большие группы политзаключенных находились при Главном управлении лагерей железнодорожного строительства МВД (ГУЛЖДС), где в 1939-1942 гг. функционировало «Чимкентское» отделение. Другая часть заключенных была подчинена Министерству транспортного строительства СССР, центральный офис которого находился в Москве по адресу Садово-Спасская, ул., д. 21. Было создано и лагерное отделение 30, 56 п/я У1-154/30 по строительству совхоза «Койбагский» Карасуского района, Кустанайской области в поселке «Сарысу» или в поселке «Калачи» Есильского района Целиноградской области. Другое наименование лагеря – п/я 154/19. Судя по награжденным в списках офицеров НКВД, политзаключенные использовались при строительстве Актюбинского ферросплавного завода в городе Актюбинск и Семипалатинского ядерного полигона, которое «лично» курировал нарком Л. Берия.

Имя и фамилия составителя данной очень ценной информации остается неизвестным. Мы же дали только небольшие пояснения и добавления по тем учреждениям, которые были им указаны. Также, по последним данным, политические заключенные использовались не только на шахтах и предприятиях треста «Карагандауголь», треста «Шахстрой» ЦЭС, «Хлебозавод», Водосточный завод, Кирпичный завод, но и в «Зелентресте», «Казбродстресте», мясокомбинате, предприятиях «Электропрома», на рудниках «Семиз-Буту», «Май-Узек», областном стройтресте, Мельстройкомбинате, артелях Облпромсоюза: на предприятиях «Октябрь», «Свобода», «Строитель», «Красный химик», «Кондитер».¹⁰

Тем не менее, многие архивные материалы по депортации народов, по нашему мнению, целенаправленно уничтожались. И только в 1997 г. оставшиеся материалы были переданы в Центр правовой статистики Генеральной прокуратуры Казахстана¹¹. Собранные данные подтверждаются материалами архива МВД РК, где содержатся их различные копии. Например, в 1944 г. выходит приказ за подписью Л.П. Берия «О расселении на территории Южно-Казахстанской области Казахской ССР переселенцев из Кабардино-Балкарской АССР». Также имеются материалы в секретном приказе НКВД от 1 февраля 1944 г. «Об итогах работы производственных предприятий истроек НКВД СССР». В приказе Л.П. Берия за высокие показатели за 1943 г. были поощрены работники НКВД, ответственные за перевыполнение плана. И здесь в качестве «передовых» упоминаются предприятия Карагандинского угольного бассейна и Актюбинского ферросплавного завода, где постоянно использовался труд политзаключенных. В тех же материалах есть приказ «О передаче ценностей ликвидируемых конторами и представительствами НКВД СССР в Средней Азии, Ташкентской конторе ГУЛАГ снаб». Следовательно, существовал и ГУЛАГ снаб, который занимался сбором и распределением материальных ценностей заключенных. В тех же приказах, особенно до 50-х гг., в отношении задержанных советских граждан повсеместно используются термины «перемещенные», «спецконтингент», «кулаки», «концлагеря» или «каторжники». Например, в документах фонда N 13 есть такие приказы, как «О порядке направления в тюрьмы каторжников» или «О снятии с учета спецпереселенцев детей

9. Архив МВД РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 600. Л. 20-30.

10. Мы специально сохранили стиль и орфографию текста. На сегодня многие из них переименованы, вероятнее всего даже изменились и места дислокации.

11. Национальный архив Республики Казахстан. Ф. 214. Д. 1217, 1219, 2371, 1220. Обращаем внимание, что многие документы только в марта-апреле прошли процесс рассекречивания, и поэтому листы могут быть изменены.

бывших кулаков, спецпереселенцев, принимаемых и зачисленных в школы ФЗО и ремесленные училища». Во многих из них, если не во всех, могли находиться граждане Северного Кавказа, осужденные по репрессивным статьям. В фондах архивов, например, сохранилась «Справка о порядке обучения детей спецпереселенцев-чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и крымских татар» от 22 июня 1944 г. Приведенная справка указывает, что власти были вынуждены заниматься обучением детей в совершенно новых условиях. Бюро Гурьевского обкома 8 января 1945 г. в закрытом порядке рассмотрело вопрос об улучшении материально-бытовых условий спецпереселенцев из Крыма и Северного Кавказа.¹² Как видно из архивных данных, аналогичные факты имели место в Кзыл-Ордынской, Южно-Казахстанской областях, где местные власти были вынуждены исполнять секретные и закрытые директивы и указания ЦК ВКП(б)

Анализ документов по таким графам мог бы помочь в дислокации мест заключения и определении численности заключенных. Надо подчеркнуть, что лагеря для политических заключенных, в частности для так называемых «контрреволюционеров» или «спецпереселенцев», строились на скорую руку, как временные помещения, в каких-то населенных пунктах, на железнодорожных станциях или в далеких аулах. По некоторым данным в таких временных фильтрационных лагерях содержались сотни, а возможно и тысячи людей, которых через некоторое время отправляли этапом в лагерь, или же им выносились иные формы наказания. Некоторую помощь для подсчета политзаключенных и мест содержания могли оказать документы и такие приказы как «Об изменении штатной численности в лагерях НКВД для военнопленных», №№ 148, 53, 26, 68, 123, 58, 99 и так далее. На раскрытие данных по депортированным народам могли бы пролить свет отчеты по работе спецкомендатур. Каждая спецкомендатура создавалась по приказу ОГПУ-НКВД и ими же руководилась.

В составлении данных нами были использованы также материалы НКВД и встречающиеся воспоминания самих отсидевших узников. При изучении фондов РГУ «Национальный архив Республики Казахстан» Министерства культуры и спорта Республики Казахстан установлено наличие на хранении 38 тыс. (38 467) единиц личных дел работников исправительных учреждений (исправительно-трудовых лагерей, расположенных на территории Республики Казахстан). Аналогичные документы были обнаружены в первом фонде архива МВД РК¹³. Вопиющими фактами деятельности советского государства и органов ОГПУ – НКВД стали не только проведенные ими несправедливые суды, но и сокрытие мест дислокации лагерей, где содержались политические заключенные всех категорий и даже мест захоронения. Также в архивах найдены документы, где содержатся обязательства о неразглашении сведений служащих, уходящих в запас, полученных ими в рамках осуществляемой деятельности в местах службы. Указанные обстоятельства объясняются тем, что часть вольнонаемных работников формировалась из числа ранее отбывавших наказание лиц и в целях сокрытия информации.

В архивах также хранятся материалы по массовым волнениям и восстаниям, случившимся в лагерях для заключенных. Подробно, с использованием архивных данных, о восстании в Степном лагере вблизи Джекказгана (Особый лагерь N 4) написал монографию казахстанский исследователь С. Дильманов. В истории это событие более известно как «Кенгирское» восстание. Автор монографии указывает, что состав восставших был многонациональным: кроме украинцев и русских среди восставших были армяне (Батоян, Азарян), грузины (Чинчиладзе, Лежава), евреи (Келлер Г.),

12. Государственный архив Атырауской (ранее-Гурьевской) области, Ф. 294. Оп. 3. Д. 56. Л. 2. С. 337.

13. Архив МВД РК. Ф. 214. Оп. 1. Д. 471. Л. 46-72.

татары (Ибрагимов З.) и другие. Известно, что и в Кенгирском восстании 1954 г. принимали участие и кавказцы, о чем упоминает А.И. Солженицын [10, с. 360–361].

Следующая группа документов касается этапа возвращения из невольной ссылки депортированных народов. Они сохранились в фондах практически всех областных архивов. Многие письменные свидетельства (заявления, обращения, справки и т.д.) приводятся на страницах упомянутого ранее сборника документов «Из истории депортации. Казахстан. 1939-1945 гг.» [7]. Исследователь В.А. Козлов по документальным данным описывает социальные конфликты с участием народов Северного Кавказа и восстановление чечено-ингушской автономии, в том числе и «кордоны на дорогах», которые были выстроены, чтобы приостановить стихийный поток возвращенцев. Автор исследования в качестве ссылки приводит и конкретный фонд российского архива¹⁴ [10, с. 360–361; 11, с. 99–111]. Таким образом, даже возвращение и на родину депортированных народов после XX съезда КПСС проводилось в спешке, без надлежащего правового и административного оформления и возмещения материальных ценностей.

Выводы и заключение

Все вышесказанное позволяет нам подчеркнуть, что репрессии в советский период имели свое идеологическое обоснование и проводились в рамках исполнения приказов и указаний И.В. Сталина и его окружения. Данные архивов показывают, что составлялись специальные планы по перемещению и депортации отдельных народов, в том числе и из автономии Северного Кавказа. В местах расселения за прибывшими устанавливался строгий контроль и учет, в случае нарушения правил спецкомендатур представители депортированных народов подвергались жестокому наказанию вплоть до лишения свободы. Несмотря на проведенные поиски, многие страницы репрессивной политики советских властей до сих пор не были полноценно изучены. Не дана и справедливая оценка действиям органов НКВД и МГБ. Поэтому работа по рассекретиванию документов НКВД должна быть продолжена. И в период реформ, и в постсоветский период не нашлось влиятельной силы, которая взяла бы на себя смелость довести до конца раскрытие всех деяний сталинского режима за совершенные ею преступления, к числу которых относится и депортация народов Северного Кавказа.

После тщательной проверки собранные статистические данные позволят создать более полную картину репрессий. Поэтому настало время составления общей социальной карты по локализации лагерей и выяснения общего количества депортированных на территорию Казахстана.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках ПЦФ ИРН OR11465469 «Разработка академического издания История Казахстана с древнейших времен до наших дней в семи томах.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the PCF IRN OR11465469 “Development of an academic publication History of Kazakhstan from ancient times to the present day in seven volumes.

14. ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 460. Л. 279-281.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петров Н., Янсен М. Сталинский питомец – Николай Ежов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 447 с.;
2. Журтбай Т. Боль моя, гордость моя – Алаш! трилогия. Астана: Аударма, 2016. 1104 с.
3. Бажанов Б.Г. Я был секретарем Сталина. М.: Алгоритм, 2014. 112 с.
4. Баберовски Й. Красный террор. История сталинизма. Пер. с нем. М.: Российская политическая энциклопедия «(РОССПЭН) Фонд первого Президента Б.Н. Ельцина. 2007. 278 с.
5. Дильманов С. Исправительно-трудовые лагеря НКВД-МВД СССР на территории Казахстана (30-50-е годы XX). Алматы, 2002. 344с.
6. Шаймуханов Д.А., Шаймуханова С.Д. Карлаг. Караганда, 1977 г. Нац. агентство по делам печати и массовой информации Республики Казахстан, 1997. 175 с.
7. Из истории депортаций. Казахстан. 1939-1945 гг. Сборник документов. Т. 3. Алматы: LEM, 2019. 708 с.
8. История Казахстана с древнейших времен до наших дней в пяти томах. Т.4. Алматы:Атамұра,2010. 768 с.
9. Верт Н. История советского государства. 1900-1991; Пер. с фр. М.: Прогресс-Академия, 1992. 480 с.
10. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956 (В 3 кн.). Ч.V-VII: опыт художественного исследования. Екатеринбург: У-Фактория, 2009. 632 с.
11. Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев: 1953 – начало 1980-х гг. [3-е изд., испр. и доп.]. Москва: РОССПЭН, 2010. 462 с.

REFERENCES

1. Petrov N, Jansen M. *Stalin's pet – Nikolai Yezhov [Stalinskii pitomets – Nikolai Ezhov]*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); Foundation of the First President of Russia B.N. Yeltsina, 2008. (In Russ.)
2. Zhurtbai T. *My pain, my pride – Alash! Trilogy [Bol' moyu, gordost' moyu – Alash! trilogiya]*. Astana: Audarma, 2016. (In Russ.)
3. Bazhanov BG. *I was Stalin's secretary [Ya byl sekretarem Stalina]*. Moscow: Algorithm, 2014. (In Russ.)
4. Baberowski J. *Red Terror. History of Stalinism [Krasnyi terror. Istoriya stalinizma]*. Transl. from German. Moscow: Russian political encyclopedia “(ROSSPEN); Foundation of the first President B.N. Yeltsin, 2007. (In Russ.)
5. Dilmanov S. *Correctional labor camps of the NKVD-MVD of the USSR on the territory of Kazakhstan (30-50s of XX) [Ispravitel'no-trudovye lagerya NKVD-MVD SSSR na territorii Kazakhstana (30-50-e gody XX)]*. Almaty, 2002. (In Russ.)
6. Shaimukhanov DA, Shaimukhanova SD. *Karlag. Karaganda, 1977. National Agency for Press and Mass Information of the Republic of Kazakhstan, 1997. (In Russ.)*
7. *From the history of deportations. Kazakhstan. 1939-1945. Collection of documents [Iz istorii deportatsii. Kazakhstan. 1939-1945 gg. Sbornik dokumentov]*. Vol. 3. Almaty: LEM, 2019. (In Russ.)
8. *History of Kazakhstan from ancient times to the present day in five volumes [Istoriya Kazakhstana s drevneishikh vremen do nashikh dnei v pyati tomakh]*. Vol. 4. Almaty: Atamura, 2010. (In Russ.)
9. Wert N. *History of the Soviet state. 1900-1991 [Istoriya sovetskogo gosudarstva.1900-1991]*. Transl. from French. Moscow: Progress-Academy, 1992. (In Russ.)
10. Solzhenitsyn AI. *Gulag archipelago. 1918-1956 (In 3 books). Parts V-VII: the experience of artistic research [Arhipelag GULAG. 1918-1956 (V 3 kn.). Ch.V-VII: opyt khudozhestvennogo issledovaniya]*. Yekaterinburg: U-Factoriya, 2009. (In Russ.)
11. Kozlov VA. *Mass riots in the USSR under Khrushchev and Brezhnev: 1953 – early 1980s [3rd ed., rev. and add.] [Massovye besporyadki v SSSR pri Khrushcheve i Brezhneve: 1953 – nachalo 1980-kh gg. [3-e izd., ispr. i dop.]]*. Moscow: ROSSPEN, 2010. (In Russ.)

Поступила в редакцию 04.10.2022 г.

Принята в печать 17.01.2023 г.

Опубликована 30.03.2023 г.

Recieved 04.10.2022

Accepted 17.01.2023

Published 30.03.2023